

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКЕ И ЛЕКСИКОЛОГИИ

Москва — 1990

Восточнославянские акцентологические изоглоссы

1. Рефлексы оттяжек ударения в галицком диалекте

В историческом языкознании распространено мнение, что в ходе развития древневосточнославянских племенных диалектов различия между ними были почти полностью стерты в результате конвергентных процессов. Р.И. Аванесов писал в связи с этим, что "современная наука не может еще восстановить во всей конкретности эти диалекты, так как они в значительной степени перекрыты позднейшими языковыми системами, диалектами более поздней формации" (Аванесов ОРД, с.35).

В последнее время, однако, появились реальные возможности воссоздать языковую систему отдельных племенных диалектов. Самыми эффективными оказались усилия, направленные на реконструкцию диалекта кривичей, в первую очередь псковских. Успехи в этой области определяются во многом уникальностью кривичского диалекта, которая состоит в том, что его историю можно проследить на протяжении достаточно долгого периода времени: на древне Новгородском языке, в основе которого лежит псковско-кривичский, написаны берестяные грамоты; большое количество кривичских черт отмечено в памятниках книжной старорусской письменности; имеются яркие системные архаизмы в современных великорусских псковских, новгородских, смоленских и северо-восточных белорусских говорах. Оказалось, что кривичский диалект (имевший, по-видимому, по крайней мере пять территориальных вариантов - псковский, смоленский, верхневолжский, полоцкий и западный) в древности отличался от других восточнославянских диалектов значительно больше, чем современные восточнославянские говоры друг от друга, и примыкал скорее к лехитской диалектной зоне, ныне входящей в западнославянскую языковую общность (Зализняк ДНД; Николаев СОДП).

Дальнейшие исследования в этом направлении показали, что и другие восточнославянские диалекты имеют специфические изоглоссы с отдельными западно- и южнославянскими диалектами,

свидетельствующие об их древних генетических или ареальных связях. Очевидно, что эти изоглоссы сформировались еще до переселения восточнославянских племен со славянской прародины или до изменения праславянской лингвогеографической ситуации. Некоторые из древнейших акцентологических изоглосс, объединяющих отдельные восточнославянские системы с системами отдельных южно- и западнославянских диалектов, представлены в докладе Р.В.Булатовой, В.А.Дыбо и автора настоящей статьи на X Международном съезде славистов в Софии (Булатова-Дыбо-Николаев).

Данная же статья посвящена более подробному, чем в докладе, анализу одного из явлений, обнаруживаемых на восточнославянской языковой территории – распределению фонетических оттяжек ударения с долгих гласных на предшествующий слог. Конкретно речь идет об оттяжках с гласных и дифтонгов, на которых в праславянском находилось старое ударение типа нового акута.

Наиболее типичными позициями, в которых выступают указанные оттяжки, являются:

а) презенс *i*-глаголов а.п. b_2 (т. е. каузативов и денотативов, образованных рецессивным суффиксом *-i-* от основ с плюсовой маркировкой) – см. Дыбо СА, с.259-260; Булатова-Дыбо-Николаев, с. 31-46.

б) причастия на *-al-* от глаголов с чередующейся основой (типа **česāti: *česjŏ*), относящихся к а.п. b (см. Дыбо Кайк.)

в) локативы мн. ч. на *-*ětlъ* от имен а.п. b и d (последние в тех системах, где слова а.п. d имеют окситонированную парадигму – см. Булатова-Дыбо-Николаев, с.49-62); у имен а.п. c эта позиция релевантна лишь в тех диалектных системах, где *-*ětlъ* имеет плюсовую маркировку (является доминантным);

г) им.п. мн.ч. старых *o*-основ (*-*ī*), а также вторично получивший акцентную характеристику вин.п. мн.ч. *o*- и *u*-основ (*-*y/-*ŭ*, соответственно *-*ĕ/-*ĕ* в мягком варианте) существительных а.п. b и d (а также c в случае сохранения окончания плюсовой маркировки);

д) им.-вин. мн.ч. на *-ā* существительных среднего рода (видимо, так же себя ведет смонимичный суффикс собирательности слов м. р.);

	праслав.	1-й тип	2-й тип	3-й тип	4-й тип
презенс t-глаголов	ložitъ xvalitiъ	ložitъ xvalitiъ	ložitъ xvalitiъ	ložitъ xvalitiъ	ložitъ xvalitiъ
причастия на -an-	česъnъ pisanъ	česъnъ pisanъ	česъnъ pisanъ	česъnъ pisanъ	česъnъ pisanъ
loc. и instr. pl. o-основ	dvorězъ dvorŭj grěsězъ grězŭj	dvorězъ -dvorŭj- (dvorъmi-) grěsězъ -grězŭj- (grězъmi-)	dvorězъ dvorŭj (dvorъmi) grěsězъ grězŭj (grězъmi)	dvorězъ dvorŭj (dvorъmi) grěsězъ grězŭj (grězъmi)	dvorězъ dvorŭj (dvorъmi) grěsězъ grězŭj (grězъmi)
gen.-loc. du. a-основ	noŭŭ rŭkŭ	noŭŭ rŭkŭ	noŭŭ rŭkŭ	noŭŭ rŭkŭ	noŭŭ rŭkŭ
nom.-acc. pl. neutra на -a	selâ gnězâ	selâ gnězâ	sela gnězâ	selâ gnězâ	selâ gnězâ

е) в инструменталисе мн ч. на $-j$ от существительных а.п. b, d и, в отдельных системах, s , а также, вторично, инструменталисна $-*m\bar{i}-$, заимствующем акцентуацию субституированных инструменталисов на $-j$ (например, в галицком, у Ю. Крижанича и т.д.).

Как было установлено, в славянских языках встречаются 4 основных типа отражения первоначальной системы ударения (см. Булатова-Дыбо-Николаев, с.32, 38-39). В 1-м типе оттяжка ударения просходит на любой предшествующий гласный. Во 2-м типе ударение оттягивается только на предшествующий краткий гласный. В 3-м типе, напротив, оттяжка происходит на долгий гласный, в случае же краткости предшествующего гласного ударение остается на старом месте. Архаичен 4-й тип, в котором фактически сохраняется праславянское состояние (см. табл. 1).

Распределение этих типов по славянским диалектам следующее (см. Булатова-Дыбо-Николаев, с.32, 38-39, 61-62):

1-й тип характерен для:

1) восточноболгарского (наиболее типичным является язык среднеболгарских памятников так называемого тырновского типа [см. Дыбо ЧНЗ], система Константина Костенецкого, современные восточно- и центральноболгарские говоры);

2) говоров "северословенского акцентологического типа" (кайковские и словенские говоры) - см. Дыбо Кайк.;

3) северночакавских говоров типа Нови (см. Белич Нови);.

В работе Булатова-Дыбо-Николаев такая же система предполагалась для юго-западных белорусских говоров (в частности, для загородских говоров Брестщины, которые, строго говоря, являются северо-западным продолжением волинско-полесских украинских говоров; классификацию загородских говоров см. в работе Климчук 1983), а также для южнорусских "вятичских" говоров (восточная часть курско-орловских, тульские и отдельные западнорязанские говоры). Однако в настоящее время мы бы предпочли более осторожно отнестись к окончательному установлению типа оттяжки в этих системах: ситуация с ними остается неясной ввиду недостатка материала.

2-й тип характерен для:

1) западноболгарского (в том числе для его ранней фиксации

- в памятнике XIII в. ИсСир¹), приблизительным восточным пределом которого является "ятевая граница";

2) кривичских в основе западных, северо-западных и северных великорусских и, видимо, северных и восточных белорусских говоров (по последним мы имеем пока крайне мало материала);

3) галицкого диалекта украинского языка²;

4) штокавских и, возможно, торлакских говоров сербохорватского языка.

Возможно, эта же система была характерна для подольского

¹ Поучения Исаака Сирина. Западноболгарская рукопись 1381 г. (1-й почерк). Гос. б-ка им. В.И.Ленина, ф.304, №172.

² Галицким мы называем западноукраинский диалект, территориально ограниченный с востока р. Збручем (см. Dejna 1952), на севере его граница в общем совпадает с густым пучком изоглосс, отделяющим надднестрянские говоры от волинских (см. Шило): в частности, одной из таких изоглосс является окситонеза слов а.п. *ǫ* (см. Булатова-Дыбо-Николаев), являющихся, как правило, баритонированными в волинских говорах (ср. северную границу встречаемости окситонированной формы ген. sg. *poǫǫ*, выявляемую при нанесении материала, приведенного в Шило, с.84-85, на карту, приложенную к этой книге). В галицкий диалект полностью входят традиционные бойковские, лемковские (по крайней мере говоры со свободным ударением к востоку от Лаборца), надсянские, закарпатские, надднестрянские, покутские говоры, а также, видимо, западноволинские (надбужские) говоры; частично к галицкому диалекту относятся гуцульские (типично галицкими являются говоры к западу от Белого Черемоша) и буковинские (в их западной части).

Ко времени написания работы Булатова-Дыбо-Николаев не было известно, какой из приведенных выше типов оттяжек имеет галицкий (его принадлежность ко 2-му типу определялась лишь по косвенным данным). В результате полевых исследований в Западной Украине, ведущихся в течение последних трех лет экспедицией Сектора этнолингвистики и фольклора Института славяноведения и балканистики АН СССР, была надежно установлена принадлежность галицкого к диалектам 2-го типа.

диалекта украинского языка³, в котором отмечается уникальное развитие а.п. *d* (см. Булатова-Дыбо-Николаев, с.59.60), однако недостаточность материала не позволяет сделать окончательного вывода. Эта же система оттяжек, видимо, была представлена в юго-западных чешских и некоторых моравских говорах, однако доказательства ее исконности для этих диалектов выходят далеко за рамки настоящей работы.

3-й тип характерен для:

1) старохорватского диалекта, отраженного в акцентуированных текстах Ю.Крижанича (Дыбо Кайк., с.129-132);

2) некоторых южночакавских говоров (в частности, островов Хвар и Брач, см. Булатова-Дыбо-Николаев, с.32, 61); близость системы этих говоров к системе Крижанича была установлена Е.Э.Будовской (см. Будовская-Ковач);

3) словенских и кайкавских говоров "южнословенского акцентологического типа" (Дыбо Кайк.; в частности, к этому типу относится система литературного словенского языка, например, в словаре М.Плетершника);

4) ильменско-словенских в своей основе севернорусских говоров (наиболее полно этот тип отражен в акцентуации старорусского писца Ионишки - см. Зализняк РА, с.228, также Зализняк ДНД); из современных великорусских говоров лучше всего ильменско-словенский тип сохранили костромские;

5) центральных и южных белорусских и, видимо, правобережно-полесских украинских говоров (в основе которых лежали близкородственные племенные диалекты дреговичей и деревлян); этот тип характерен и для литературного белорусского языка⁴;

3 Западная граница подольского диалекта проходит приблизительно по Збручу, восточная - по границе зоны старого и нового заселения Украины, северная примерно совпадает с традиционной границей между подольскими и волынскими говорами (см. Жилко ; Дејла 1938). Отчасти подольскими по происхождению являются восточногуцульские говоры.

4 Наиболее ярко распределение ударения по 2-му типу проявляется в причастиях на *-āl-* у глаголов с чередующимися основами на *-ā-/-je-*, ср. материал белорусского литературного языка: а) краткосложные основы: *рис-*, *звлязліва* (ср. *плывіў*,

6) кашубского (поморского) языка (наиболее ярко этот тип выражен в описанном К.Лоренцем словинском диалекте).

Не очень строго 3-й тип оттяжек прослеживается в древнейшем русском акцентуированном памятнике – Чудовском Новом Завете, диалектная основа которого неясна⁵. Акцентная система Чуд. кажется смешением 3-го и 4-го типов (что, кстати, характерно и для литературного русского, а в особенности для стандартного церковнославянского языка послениконовского периода).

4-й тип оттяжек характерен для восточновеликорусских говоров. Он несомненно лежит в основе акцентной системы литературного русского языка.

Как было сказано выше, 2-й тип оттяжек представлен на восточнославянской территории в галицком диалекте украинского языка и в русских и белорусских говорах, восходящих к кривичскому племенному диалекту. Как показано в Булатова-Дыбо-Николаев, с.49-62, этим диалектам свойственно, кроме того, сохранение окситонезы в склонении а.п. *ā* существительных с *o-*, *u-* и *i* основами, а также насуффиксальное ударение 2-го л. ед.ч. глаголов а.п. *b* (тип "молиши" – Булатова-Дыбо-Николаев, с.49)⁶. Наличие краткостной оттяжки при отсутствии долготной,

плѣичаш); за-, *сасмактаны* (ср. *смакчѹ*, *смакчаш*); *трапаны* (ср. *траплѹ*, *трѣплеш*); *затвастаны* (ср. *затвашчѹ*, *затвѣчаш*); *часаны* (с вариантом *чѣсаны* – ср. *чашчѹ*, *чѣчаш*); *стаптаны* (ср. *тапчѹ*, *тѣпчаш*); б) долготные основы: *лѣзаны* (ср. *лѣжѹ*, *лѣжаш*); па-, *сказаны* (ср. па-, *скажѹ*, *-кажаш* – однако *наказаны* от *накажѹ*, *накажаш*); *ичѣпаны* (ср. *ичѣплѹ*, *ичѣплеш*); *звѣзаны* (ср. *вѣжѹ*, *вѣжаш*); за-, *напѣсаны* (ср. *пѣшѹ*, *пѣшаш*); *сѹканы* (ср. *сучѹ*, *сѹчаш*); на-, *знѣзаны* (ср. *нѣжѹ*, *нѣжаш*). Материал приводится по СЕМ и Ивашуціч, с.50-52.

⁵ Ср. попытку его юго-западной локализации в работах Дыбо ЧНЗ и Зализняк РА.

⁶ Тип "молиши" не обнаруживается в явном виде в современных западноукраинских говорах, однако в прежнее время он несомненно был им свойствен. Можно привести материал из украинской рукописи XVII в. "Измарагд" (Гос. биб-ка им. Ленина, ф. 93 (Егоров), №63, 1-й почерк), акцентуация которой, судя

сохранение а.п. *d* и типа "моліши" свойственны также западно-болгарскому (см. Булатова-Дыбо-Николаев, в особенности с.49). Нетривиальное сочетание этих не связанных между собой акцентологических явлений, по-видимому, является достаточным аргументом в пользу того, что данные три диалектные группы восходят к одному праславянскому "прадиалекту", потомки носителей которого в дальнейшем мигрировали в разных направлениях с прародины. Между галицким и кривичским диалектами нет, пожалуй, никаких специфических общих черт более позднего происхождения, что говорит об отсутствии непосредственного контакта между ними на восточнославянской территории.

В качестве образца проанализируем материал галицкого диалекта.

* * *

В галицком наиболее показательными являются рефлексы презенса *t*-глаголов а.п. *b*₂. В табл. 2а и 2б показаны формы таких глаголов (чаще всего в 3-м л. ед.ч. на *-t'/-t/-∅*), запи-

по современным данным, может считаться северногалицкой или подольской (из других диалектных черт можно указать отвердение *r'*: вечерѣ вин.п. 18б; по морѣ местн. ед. 19б; съ свѣро^М 24, свѣръ 24; переход *ѣ>и*: вѣрныѣ - исправлено из вѣрныѣ 26; смешение *ы* и *и*: помыслы повелит. 7, 14б, лѣмывыѣ 18; переход *α>е* после мягких: пучеловати 20, ѡмолучѣ 3-е л. ед.ч. аор., и т.п.). Тип "моліши" здесь проявляется не только во 2-м л. ед.ч., но и во 2-м л. мн.ч. В "Измарагде" мы находим: твѣри^Т 4б, твѣри^М 7б, твѣри^Т 8б, да твѣри^М 11, твѣри^Т 12, 13б, 14, да...твѣриѣ^Т 15, аще вѣ...твѣри^М 15, сътвѣри^Т 15б, твѣриѣ^Т 16, 17б, твѣри^Т 22б, сътвѣри^Т 23, твѣриѣ^Т 26б, не твѣри^Т 26б, твѣриѣ^Т 26б (при двух исключениях - видимо, русизмах: творить^Т 8 и сътвори^Т 15б), однако: твориши 8, сътвориѣте 9, нествориѣте 11б, твориши 13-2х, сътвориѣте 18, твориши 28б (приведенные формы на *-те* являются презентными, а не императивными); варианты с накоренным ударением: твѣрите 11б, 13б, ни сътвориѣте 20б, вѣриши 21; ср. также изнавиши 26 при иззави^Т 29, погъиши 10 при погъви^Т 12, погъви 17, и т.д.

санных в трёх отдаленных друг от друга пунктах: с. Ярок (Járok) Ужгородского р-на Закарпатской обл. (восточнолемковский говор); с. Брод (Brŭd) Иршавского р-на Закарпатской обл. (закарпатский говор "мукачевского" типа) и с. Гологоры (Holoňory) Золочевского р-на Львовской обл. (западнонадднестрянский говор - все записи сделаны Е.Э.Будовской и О.Т.Ковач). В качестве сравнительного материала даются формы словенского литературного языка по словарю М.Плетершника (3-й тип по нашей классификации, т.е. характеризующийся обратным по отношению к галицкому распределению оттяжек), а также чешские (в качестве дополнения - словацкие) формы презенса, в которых корневая долгота присутствует в рефлексах глаголов как а.п. b_1 , так и а.п. b_2 ⁷ с праславянской корневой долготой. Чешские и словацкие презенсы для определения а.п. *t*-глаголов нерелевантны.

Акцентуация им.-вин. мн.ч. *o-* и *u-*основ

В архаичном во многих отношениях восточнолемковском говоре с.Ярок ударение в им.-вин.п. мн.ч. на *-o/-y* и *-i* (< **y*, **ǫ*, старых окончаний вин.п. мн.ч., заменивших в им.п. окончание *-*i*) от существительных *o-*, *u-* и вторично *t*-основ окситонированной а.п. (восходящей, как правило, к праславянским а.п. b и d) распределяется так же, как в презенсе *t*-глаголов: окситонированные формы от долготных корней и баритонированные - от корней с исконно краткими гласными. Ниже приводится материал (табл. За и Зб)⁸.

⁷ В долготных глаголах праславянской а.п. с в чешском и словацком (равно как в других западнославянских языках) присутствует краткость корневого гласного (например, чеш. *dělit* < **dělitb*). Сокращение было, видимо, проведено либо перед новым акцентом, либо в более раннюю эпоху в третьем (и далее) слоге перед ударением. В презенсах же а.п. b_1 и b_2 сокращение не осуществлялось (чеш. *slouží* < **slúžitb*, а п. b_1 , и *troubí* < **trǫbitb*, а.п. b_2), т.к. корневой гласный был либо ударным, либо непосредственно предшествовал слогу со старым ударением.

⁸ Как показал В.А.Дыбо, в праславянском не подверглись сокращению только те окончания, которые были ударными в а.п. с (Дыбо В.А. Славянская акцентология. С.31). Рефлекс окончания им.п. мн.ч. *-*i* имеет долготу в юго-западных и западных чеш-

Краткосложные глаголы

праслав.	Ярок	Брод	Гологоры	словенский
*božítъ	s'a zabóžyt'	bóžyt'	(božát s'a)	-
*ostrítъ	vóstryt'	óstryt'	vóstra	ostrím
*dobrítъ	puddóbryme	-	udóbra	odobrim
*dvojítъ	dvójat'	-	rozdvóje	dvojím
*glýtítъ	proylótyme	-	-	gožtím
*kotítъ	kótyt' s'a	kótyt' s'a	-	kotím
*klonítъ	poklónyt'	klónyt'	poklón'u s'i	*kloním
*korítъ	s'a kóryt'	kóryt'	-	korím
*kosítъ	kósyt'	kósyt'	kóse	kosím
*plodítъ	plódyt' s'a	plódyt'	plóda s'i	plodím
*solítъ	sólyt'	sólyt'	sóle	solím
*svojítъ	prysvójyt'	-	-	svojím
*topítъ	s'a tópyt'	tópyt'	tópa	topím
*tvorítъ	s'a tvóryt'	tvóryt'	-	tvorím
*xopítъ	uxópyt'	sxópyt'	-	-
*ložítъ	-	lóžyt' (s'a)	-	ložím

Т а б л и ц а 26

праслав.	Ярок	Брод	Гологоры	словенский (и словацкий)	чешский (и словацкий)
*čьrniti	zачornýt,	-	černét	črnim	-
*gati	gat'át,	gatyť,	-	gátim	(hatf)
*glōbiti	uylubýt,	ylubýt,	-	(globim)	hloubf'
*gnězdit	m'izdýt, s'a	m'izdýt, s'a	hn'izdét s'i	gnězdim	hnizdf
*gōsiti	zayolosýt,	γolos'át,	(holóse)	priglásim	hlásf
*mōtiti	smutyť, s'a	smutyť,	-	mōtim	moutf
*kořiti	wkorotyť,	-	wkoročú	krátim	krátif
*pořiti	porošymé s'a...	porošýt,	-	(prařim)	prařif
*pořz(b)nit	sporoznýt,	-	oporožnét	[práznenje]	prázdnf
*ředit	r'idýt,	-	-	řédim	ředf
*rōbiti	zarubýt,	-	(rúbe)	rōbim	roubf
(шоб)					
*slēditi	sl'idýt,	sl'idýt,	s'l'idét	(sledim)	slidf
*směšiti	sm'isýt,	sm'isýt,	s'm'isét	směšim	-
*storžiti	storožymé	(storožyt')	storožét	stražim	stražif
*ščediti	šč'adyť,	-	-	ščédim	-
*trōbiti	trubýt,	trubýt,	(trúbe)	trōbim	troubf
*tušiti	tušymé	-	(túse)	túšim	-

*tvrdítb	tverdymé	-	-	-	-
*sʒ-váritb	sʒa svar'át'	-	svar'át s'í	-	sváří se
*veřditb	veredýt'	-	-	(svarím)	-
*vřšitb	veršýt'	veredýt'	versét	vřdím	vřš
*xocnítb	xorcnymé	zaveršýt'	(xoróne)	(vřším)	chránf
*ředitb	-	(xorónyt')	zar'idét	hráním	řídí
*bělitb	b'ilýt'	-	(b'fle)	řédím	bílí
*křmitb	(kórmýt')	-	kormét	bélím	křmí
*xválitb	(xvályt')	xvalýt'	xvalét	kímím	chválí
*pálitb	(pályt')	palýt'	palét	hválím	pálí

Долготные корни (с. Ярок)

праслав.	ед.ч.	им.-вин.п. мн.ч.
*bŭkъ, *bŭká	bwk, bwká	bwkŭ
*dǎlgъ, *dǎlgá	dowŭ, dowgá	dowŭŭ
*grĕxъ, *grĕxá	γr'ix, γr'ixá	γr'ixŭ
*klĕščъ, *klĕščá	kl'isč', kl'isč'á	kl'isč'í
*kǒrl'ь, *kǒrl'á	koŕǒl', koŕǒl'á	koŕǒl'í
*pláščъ, *pláščá	pláč', pláč'á	pláč'í
*sádъ, *sádovi	sad, sadú	sadŭ
*slĕďъ, *slĕďovi	sl'ǐ, sl'ǐdá	sl'ǐdŭ
*stávъ, *stává	staw, stawá	stawŭ
*vâlъ, *vâlovi	val, valá	valŭ
*xŕǒščъ, *xŕǒščá	xrušč', xrušč'á	xrušč'í
*zmĕjъ, *zmĕjá	zm'ij, zm'ijá	zm'ijí
*plástъ, *plástá	plast, plastá	plastŭ

Краткостные корни (с. Ярок)

праслав.	ед.ч.	им.-вин.п. мн.ч.
*dvǒgъ, *dvǒgá	dvŭr, dvǒgá	dvǒrw
*kǒlъ, *kǒlá	kŭl, kǒlá	kǒlw
*kǒn'ь, *kǒn'á	kŭn', kǒn'á	kǒn'í

ских и во многих ганецких (среднеморавских) говорах (см. *Bělitě NČD*, с.135, 145, 225, 237, 246, 248, 258, 259, 267, 268 и карту 26 "Rozdíly v tvarech podstatných jmen": *chlapi, čerří, sedláci...*"; *Voráč ČNJ* 1- с.32-33- 72 и карту *Ve; ČNJ* 2, с.44, где оно характерно для одушевленных существительных. В этих же говорах старое окончание вин.п. мн.ч. *-y* всегда имеет рефлекс краткости. Следовательно, по правилу Дыбо, чешские данные должны интерпретироваться как указывающие на праславянскую ударность окончания *-ī* им.п. мн.ч. м.р. (в отличие от окончаний *-y* и *-ǝ* вин.п. мн.ч.) в а.п. с, иначе говоря, оно было доминантным (плюсовым - см. Дыбо В.А. Славянская акцентология, с.26-27).

*kòšь, *košá	kûš, košá	kóš' i
*nòžь, *nožá	nûž, nožá	nóž' i
*pòpь, *popá	pûp, popá	pópω
*stòlь, *stolá	stûl, stolá	stólω
*vèpr'ь, *vepr'á	vèpýr', vepr'á	vèpr' i
*vòlь, *volá	vûl, volá	vólω
*xvòstь, *xvostá	xvûst, xvostá	xvóstω

Такое же распределение ударения мы находим и у существительных, вторично вошедших в окситонированный тип.

С одной стороны: *γos't', γos't'á* - ном. пл. *γós't'i* (старая а.п. с). С другой стороны: *kraf, krafú* - *krafí* (старая а.п. а). Также *txûr', txur'á* - *txur'í* (<*dъxòr'ь): в данном случае -и-<-о- был распространен на все косвенные падежи и конечное ударение в им.п. мн.ч. появилось в результате морфологической аналогии с долготными основами.

У существительных, имеющих первичную или вторичную баритонезу в ед.ч., ударение во мн.ч. обычно совпадает с ударением ед.ч., Однако такое положение вещей должно считаться вторичным, т.к. "нерегулярное" конечное ударение им.-вин.п. мн.ч. присутствует, как правило, лишь в словах с праславянским долгим гласным; результатом действия морфологической аналогии является, по-видимому, лишь конечное ударение в словах старой а.п. а - см. табл. 4:

праслав.	ед.ч.	им.-вин.п. мн.ч.
Праслав. а.п. а		
*plûgь, *plûga	pluy, plûga	pluyú
*pòrgь, *pòrga	pòruγ, pòroγa	pòroγú
*žídь, *žída	žwd, žúda	žwdú
žúкь, *žúka	žuk, žúka	žuký
Праслав. а.п. б		
*stǎlpь, *stǎlpá	stowp, stówpa	stowpú

Праслав. а.п. <i>d</i>		
*gǫrbъ, *gorbá	γorb, γorbá	γorbú
*krǫgъ, *krǫgá	kruγ, kruγá	kruγú
*rǣdъ, *rǣdá	r'ad, r'adá	r'adú
*stǫrъzъ, *stǫrъzi	stǫrož, stǫroža	stǫrož'í
*sǣrъ, *sǣrǫ	serp, sérpa	serpú
Праслав. а.п. <i>c</i>		
*čǣrtъ, *čǣrta	čort, čorta	čortý ⁹
*kǫmъ, *kǫma	kum, kuma	kumú
*vǣlkъ, *vǣlka	vowk, vǫwka	acc. vǫwký ¹⁰

—Есть лишь одно исключение: *věcŭr*, *věcǫra* — *večorú* (праслав. **věčerъ*, **večerá* — а.п. *d*). Здесь конечное ударение, возможно, появилось под влиянием трехсложных "полногласных" форм (ср. *korǫl'í*, *stǫrož'í*, *porǫγú*), где конечное ударение регулярно.

Распределение ударения, аналогичное распределению в *o*- и *u*-основах, вторично возникло в галицком диалекте и в окситонированных существительных ж.р. со старыми *ā*-основами. Например, в говоре с.Ярок:

1. Основы с долготными корнями: *trubá*, acc. *trubú* — pl. *trubú*; *zv'izdá*, *zv'izáú* — *zv'izáú*; *boroná*, *borǫnú* — *boronú*; *r'iká*, *r'ikú* — *r'ikú*; *zymá*, *zymú* — *zymú*; *storoná*, *stǫronú* — *storonú*; *zm'ijá*, *zm'ijú* — *zm'ijú*; по морфонологической аналогии также *mitlá*, *mitlú* — *mitlú*.

2. Основы с краткостными корнями: *kozá*, acc. *kozú* — pl. *kǫzú*; *rǫlá*, *rǫlú* — *rǫlú*; *γorá*, *γorú* — *γorú*; *vǫc'á*, *vǫc'ú* — *vǫc'ú* (<**ovъcá*).

Отклоняются от указанного распределения: *blaxá*, *blaxú* — *blaxú* (где *lǫ* < **lъ*) и *zestrá*, *zestrú* — pl. *zestrú*.

Тякое же распределение ударения в им.-вин. п. мн.ч. у

⁹ С архаическим номинативным *-ī*.

¹⁰ Но *nom. pl.* *vǫwъc'í*.

ā-основ присутствует и в другом архаичном говоре – с. Брод Иршавского р-на Закарпатской области. В им.-вин.п. мн.ч. старых о- и и-основ, в отличие от Ярка, в этом говоре старое распределение значительно разрушено (достаточно хорошо сохраняются лишь баритонированные формы от окситонированных в ед.ч. существительных с краткостным корнем: *kōn'ti*, *kōšy*, *rōrŕy*, *rōŕy*, *vólŕy*, *zvósty*).

Напротив, в словах женского рода окситонированной а.п. распределение акцентных типов аналогично тому, что мы наблюдали в Ярке:¹¹

1. Основы с долготными корнями: *trubá*, *trubú* – pl. *trubŕy*; *travá*, *travú* – *travŕy*; *b'idaá*, *b'idaú* – *b'idaŕy*; *zv'izdaá*, *zv'izdaú* – *zv'izdaŕy*; *r'ikaá*, *r'ikaú* – *r'ikaŕy*; *c'inaá*, *c'inú* – *c'inŕy*; *boroná*, *boronú* – *boronŕy* (/borónŕy).

2. Основы с краткостными корнями: *kozá*, *kozú* – *kózŕy*; *rcólá*, *rcólú* – *rcólŕy*; *smolá*, *smolú* – *smólŕy*; *žoná*, *žonú* – *žonŕy*; *gorá*, *gorú* – *górŕy*; *rozá*, *rozú* – *rózŕy*; *vúdc'á*, *vúdc'ú* – *vúdc'i*.

Вторично (по аналогии с другими словами с корневым о < слав. *o, *e) возникло ударение мн.ч. *storónŕy* при ед.ч. *storoná*, *storonú* – ср. вариант *borónŕy* (при регулярном *boronŕy*) выше.

Необъяснимыми исключениями, как и в Ярке, являются мн.ч. *zestrŕy* от *zestrá*, *zestrú* и *blŕŕy* от *blŕá*, *blŕú*.

Отсутствие конечноударных окончаний им.-вин. п. в словах а.п. с у ā-основ говорит, видимо, об исконной баритонезе форм с этими окончаниями, восходящей к праславянской энклиномичности. В таком случае долгота окончания –*ŭ в склонении ā-основ, предполагаемая ввиду распределения ударения в фор-

¹¹ Большинство существительных с ā-основами старой а.п. с провели в говоре Ярка полную баритонезу: *lōza*, *lōzu* – pl. *lōzŕy*; *bōroda*, *bōrodu* – *bōrodcŕy*; *kōza*, *kōzu* – *kōzŕy*; *zōta*, *zōtu* – *zōtŕy*. Архаическое ударение сохраняют: *golová*, *gólou* – *gólouŕy*; *poŕá*, *pōŕu* – *pōŕŕy*; *ruká*, *rúku* – *rúky*. Конечное ударение в словах, имеющих баритонезу в ед.ч., в Ярке не обнаружены. В говоре с. Брод слова а.п. с сохраняют старую акцентную кривую (*kozá*, *kōzu* – *kózŕy* и т.п.), при этом у них также не отмечены конечноударные формы мн.ч.

мах им.-вин.п. мн.ч. в зависимости от долготы/краткости праславянских корневых гласных, вряд ли может считаться праславянской (в отличие от окончания $-ī$ в о-основах). Мы должны предполагать в данном случае развитие по аналогии с акцентными типами слов м.р. с о- и и-основами и словами ср.р. (см. ниже).

Акцентуация им.-вин.п. мн.ч. ср.р. на $-*ā$

В говоре с. Чапли (Ѓбр1'1) Старосамборского р-на Львовской обл. (говор, находящийся на стыке ареалов надсянской, наддне-стрянской и бойковской групп галицких говоров; материал записан автором настоящей статьи) отмечена система с распределением ударения им.-вин.п. мн.ч. ср.р. на $-*ā$ по 2-му типу. Характерно, что в говоре с. Чапли достаточно хорошо сохраняется аналогичное распределение ударения и в им.-вин.п. мн.ч. м. и ж.р., а также - в несколько редуцированном виде по сравнению с закарпатскими системами - распределение ударения в презенсе t -глаголов.

Ниже приводится материал по мн.ч. существительных в с. Чапли.

1. Им.-вин.п. ср.р. на $-*ā$

Т а б л и ц а 5а

Краткосложные формы	
праслав.	Чапли
* <i>seló</i> , pl. * <i>selā</i>	<i>suló</i> , pl. <i>śóla</i>
* <i>peró</i> , pl. * <i>perā</i>	<i>píró</i> , pl. <i>péra</i>
* <i>rebró</i> , pl. * <i>rebrā</i>	<i>ríbró</i> , pl. <i>rébra</i>
* <i>rešetó</i> , pl. * <i>rešetā</i>	<i>rèšitó</i> , pl. <i>rišéta</i>
* <i>seló</i> , pl. * <i>selā</i>	<i>siló</i> , pl. <i>séla</i>
* <i>stegnó</i> , pl. * <i>stegnā</i>	<i>stíhnó</i> , pl. <i>stéhna</i>
* <i>vedró</i> , pl. * <i>vedrā</i>	<i>vidró</i> , pl. <i>védra</i>

Долгосложные формы	
праслав.	Чапли
*čeřslò, pl. *čeřslá	čèřislò, pl. čèřislá
*dolbtò, pl. *dolbtá	dòlutò, pl. dòlutá
*gnězdò, pl. *gnězdá	hn'izdò, pl. hn'izdá
*gьrnò, pl. *gьrná	hьrnò, pl. hьrná

Т а б л и ц а 5в

Формы с предконечными -ь- и -ь-, с архаичным ударением	
праслав.	Чапли
*jājьсѣ, pl. *jājьсá	jicѣ, pl. jājci
*окьнò, pl. *окьнá	viknò, pl. vikna
*роlтьнò, pl. *роlтьнá	pòlutnò, pl. pòlòtna
*sukьнò, pl. *sukьнá	suknò, pl. sùkna
*stьbьlò, pl. *stьbьlá	stìblò, pl. stèbla

Примечание. Формы типа *jājci*, *vikna* возникли из **jājьсá* > *jājьсѣ* (с регулярной оттяжкой ударения с долгого согласного на предшествующий краткий) > *jājсѣ* (в результате оттяжки ударения со слабого редуцированного по общеславянскому правилу); аналогично **окьнá* > **окьна* > *vikna* и т. д.

Т а б л и ц а 5г

Формы с предконечными -ь- и -ь-, вторично уподобленные обычным долгосложным	
Праслав.	Чапли
*gьlьnò, pl. *gьlьná	humnò, pl. humná
*dùpьlò, pl. *dùpьlá	duplò, pl. duplá
*sedьlò, pl. *sedьlá	sìdlò, pl. sìdlá

Известны лишь три нерегулярные формы (все они содержат р-флекс *-*t-*):

Праслав.	Чапли
*krǐdlò, pl. *krǐdlǎ	krǐlò, pl. krýla
*lǐcé, pl. *lǐcǎ	lǐcé, pl. lýci
*vǐnò, pl. *vǐnǎ	vǐnò, pl. výna

2. Ударение им.-вин.п.-мн.ч.-ж.р.

Ф. Долгосложные основы

b'ídá, acc. b'ídú - pl. b'ídý; cíná, cínú - cíný; cĕřídá, cĕřídú - cĕřídý; duhá, duhú - duhĕ; hubá, hubú - hubĕ; žv'ǐzdá, žv'ǐzdú - žv'ǐzdý; krupá, krupú - krupĕ; lǐsá, lǐsú - lǐsý; luká, lukú - lukĕ; p'ítá, p'ítú - p'ítý (*pĕtá); pílá, pílú - pílý; pĕlusá, pĕlusú - pĕlusý; r'íká, r'íkú - r'íkĕ; sùdǐjá, sùdǐjú - sùdǐjí; spíná, spínú - spíný (русизм?); str'ilá, str'ilú - str'ilý; travá, travú - travĕ; trubá, trubú - trubĕ; vǐná, vǐnú - vǐný; xvalá, xvalú - xvalý; kumá, kumú - kumĕ (/kúmy).

Г. Краткосложные основы

pĕnlá, acc. pĕnlú - pl. pĕólǐ; ĥará, ĥarú - hóri; kuzá, kuzú - kózi; vasá, vasú - vósi [*oэ(v)á]; víwćá, víwćú - víwći (*oуьćá); sǐstrá, sǐstrú - séstri; vǐsná, vǐsnú - vésnǐ; zalá, zalú - zólǐ (*zolá, 'сорное семя'); slatá, slatú - slóti.

По морфонологической аналогии возникли: jǐhlá, jǐhlú - jǐhlý; jǐhrá, jǐhrú - jǐhrý; mǐtlá, mǐtlú - mǐtlý.

Исключения: skalá, skalú - skáli; sǐrná, sǐrnú - sérnǐ; slǐžá, slǐžú - slǐžý; ścíná, ścínú - ścǐnǐ (*stĕnǎ); svǐn'á, svǐn'ú - svýn'i.

2. Ударение им.-вин.-п.-мн.-ч.-м.-р.

а. Долготные основы

bəç, *gen.sg.* byčá - *nom.-acc.* byčǐ; dowx, duwhú - duwhó;
hr'ix, hr'ixá - hr'ixé; hryp, hribá - hribé; kl'isč, kl'isčá
- kl'isčǐ; kl'uč, kl'učá - kl'učǐ; kuról', kòral'á - kòral'ǐ;
kut, kutá - kutý; kušč, kuščá - kuščǐ; kyj, kyjá - kyjǐ;
korč, kurčá - kurčǐ; korš, karzá - karžǐ; l'ik, l'ikú - l'iké
(‘лекарство’); mlyn, mliná - mliný; wuš, wuzá - wuzǐ (*óžь);
sady; sl'it, sl'idá - sl'idý; staw, stawú - stawé; šcur,
šcurá - šcurǐ; val, valú - valý; v'ik, v'ikú - v'iké; ver'x,
vyr'xá - vyr'xé; xumút, xònutá - xònutý; xrušč, xruščá -
xruščǐ; znak, znakú - znaké; zv'ir, zv'irá - zv'irǐ; strum,
strumá - strumé.

б. Краткосложные основы

dvir, *gen.sg.* dvará - *pl.* dvóri; kin', kun'á - kón'i; kit,
katá - kóti; niš, nužá - nóži (/nužǐ); snip, snupá - snópi;
stil/ stiw, stalá - stóli (/stulý); vil, valá - vóli.

По морфологической аналогии возникли: šmil'ь, šmil'á -
šmil'ǐ; txir, txirá - txirý (*daxòr'ь).

Исключения: došč, duščú - duščǐ; kiw, kulá - kulý; xrest,
xr¹stá - xr¹stý; xr¹bét, xr¹ptá - xr¹ptý; zup, zubá - zúby.

Акцентуация твор.п. мн.ч. на -*mǐ

В галицком диалекте ударение инструменталиса на -*mǐ у существительных всех старых основ также распределено в зависимости от праславянской долготы/краткости корневого гласного. Следует, видимо, считать, что данное распределение первоначально было характерно для *i*- и *u*-основ, в основах же на *-o* первоначально оно принадлежало формам на -*j; несомненно вторичны формы на -^b/_vmǐ у старых *ā*-основ (имеются в виду русск. диал. слезь^м и т.п.). Формы твор.п. мн.ч. на -*j известны некоторым карпатоукраинским говорам, которые до сих пор не обследованы в акцентологическом отношении.

Замена окончания $-*ŷ/*ī$ (реже также $-*ōmī$) на $-*mī$ широко представлена не только в галицком, но и в других славянских диалектах. Например, в старохорватском диалекте Ю.Крижанича, относящегося, по нашей классификации, к 3-му типу, акцентное распределение в формах на $-*mī$ идентично распределению в формах на $-*ŷ$, в том числе и в инновационных формах на $-*mī$ от старых о-основ, причем падеж на $-*ŷ$ также сохраняется в диалекте Крижанича, см. табл. 6 и 7¹².

Обращает на себя внимание то, что у Крижанича оттяжка ударения происходит только в существительных окситонированной а.п. (восходящей, как правило, к праславянской а.п. *b*), тогда как в а.п. с ударение всегда конечное, что отличает устройство системы Крижанича от галицкой, где распределение форм с оттянутым и неоттянутым ударением не зависит от праславянской акцентной парадигмы существительного.

В системе Крижанича в словах а.п. *b*, в том числе и в заимствованиях, имеющих акцентную кривую, восходящую к а.п. *b*, формы на $-*mī$ характеризуются ударением, не регулярным с точки зрения праславянской реконструкции: если регулярным рефлексом предположительного слав. $*grěxъmī$ (а.п. *b*: *grěxъ*, $*grěxъ$) действительно является представленное у Крижанича *grīxъmī* (так обстоит дело и с другими долгосложными формами), то праслав. $*volъmī$ (а.п. *b*: $*vòlъ$, $*volû$) также должно было дать баритонированную форму $*vòlmi$; в то же время распределение *krǎlъmī* $< *koŕl'ī$ ~ *orǎi* $< *orъl'ī$ с точки зрения исторической акцентологии регулярно. Таким образом, мы должны предположить, что распределение ударения в формах на $-*mī$ перенесено из форм на $-*ŷ/*ī$.

В системе Ю.Крижанича гласные корней основ сокращались в словах а.п. с (ср. $zъvъi$ $< *zǫbŷj$ $< *zǫbŷj$), поэтому формы на $-*mī$ от существительных а.п. с также всегда имеют конечное ударение. Напротив, в галицком, как видно из материала, праславянская а.п. не влияет на выбор акцентной кривой. Мы можем предположить, что в древнегалицком в период сохранения старых количественных различий сокращения предударных гласных в

¹² Автор приносит глубокую благодарность В.А.Дыбо за предоставление материала по диалекту Ю.Крижанича. Таблицы 6 и 7 также составлены В.А.Дыбо.

Т а б л и ц а 6

Твор.п. мн.ч. на -mĭ у Ю.Крижанича

а.п. б		а.п. с
долгосложные	краткосложные	краткосложные и сокращенные
грѣхми	волми	градми
дворѣми	конѣми	кнезми
кльѣчми	левми	врагми
пѣтми	топорми	станми
крѣльми	постолми	мѣжми
durákmi	свидокми	listmi
s Chervátmi	skotmi	darmĭ
gospodármĭ	meczmi	z' gostmi
z' blúdmĭ	boimĭ	
	i batogmi	
	i vlastelmĭ	

Т а б л и ц а 7

Твор.п. мн.ч. на -*ŭ

а.п. б		а.п. с
долгосложные	краткосложные	краткосложные и сокращенные
жѣрки	конѣ	зусѣ
крѣльи	новѣ	
жѣрми	послѣ	
клѣнци	огньѣ	
вѣгри	орлѣ	
нѣмци	отѣ	
	овнѣ	
	knezci	

Долгосложные существительные

пра slavянский	Ярок	Брод	Новоселица	Широкий Луг	Брянск и Ясень
*kŕga, *kŕgu *mŭsŭ, *mŭsŭ1	kur'mŭ	kur'mŭ mŭsŭmŭ	kur'mŭ	mŭsŭmŭ	kur'mĕ
*grŏdŭ, *grŏdi *jājbcĕ, *jājbcā *pŏtŭ, pŏti *tĕnŭ, *tĕni *svīnŭjā, -jŏ	γrud'mŭ	γrud'mŭ jajcmŭ put'mŭ t'in'mŭ	γrud'mŭ jajc'mŭ	jajcmŭ	hrud'mĕ svĕn'mĕ
*l'ŭdi *gŏsŭ, *gŏsi *dĕti *zvĕrŭ, *zvĕri *pŭfstŭ, *pŭfsta	l'udmŭ γusmŭ d'itmŭ	l'ud'mŭ γus'mŭ zv'ir'mŭ per'st'mŭ	l'ud'mŭ γus'mŭ d'it'mŭ		l'udmĕ hus'mĕ d'itmĕ

Краткосложные существительные

праславянский	Ярок	Брод	Новоселица	Широкий Луг	Брянь и Ясень
*kōn'ь, *kop'a *dvьrь, *dvьrī [+grōšь, +grōšā] *vьselā, *vьselō *vōl'ь, *volū	kūn'му γrūsму pōl'му vūl'му	kūn'му γrūsму vūl'му pēl'н'у	k'·n'·му γrīs'му	kōn'·му dvьγ'·му	k'·n'·mē dvьr'mē hr'·fsmē bdzīl'·mē
*noktь, *nokti *vьšь, *vьši		nūc'му (ūsm'у)	nīc'му (uš'м'у)	nōc'му wōc'му	

dvьr'·mь (dvьr'·mь)
dīōw·m'·I

а.п. с не происходило (ср. сохранение долгот в штокавском и особых "полудолгот" в северночакавских говорах, например, в Нови, см. Белич Нови). Поэтому ударение форм на *-*mī* от существительных а.п. с также зависит от праславянской количественной характеристики корня — разумеется, это распределение контрастно по отношению к распределению у Крижанича, так как галицкий принадлежит ко 2-му типу диалектов. Конечное ударение в существительных а.п. а, очевидно, возникло по аналогии со словами а.п. с, b и d.

Галицкий материал приводится в табл. 8а и 8б. Материал, кроме указанных выше с. Ярок и Брод, дается еще из сел: Новоселица (Novosélyc'a) Межгорского р-на Закарпатской обл.; Широкой Луг (Šyrokýj Lúg) Тячевского р-на Закарпатской обл.; Бринь (Bryn') Галицкого р-на Ивано-Франковской обл.; Ясень (Jás'in') Рожнятовского р-на Ивано-Франковской обл. Записи сделаны О.А. Мудраком и автором настоящей статьи.

Помимо немногочисленных исключений, возникших по морфонологической аналогии (см. приведенные формы с конечным ударением, восходящих к слав. **všьmī*, где окситонеза возникла, видимо, ввиду вторичного перехода **vš-* в *u-*, т.е. обычный рефлекс праславянских долгих **ū* и **ō*), а также Бринь *dolón'mə* (праслав. **dōlnь, *dōlnī, *dōlnьmī*, а.п. а — эта форма может быть как архаизмом, так и получивший свое ударение по аналогии с другими словами с исконно кратким *-o-* типа **kōn'ь*), особого объяснения требуют Бринь и Ясень *br̩umě* 'бровями' (слав. **br̩jь, *br̩vьe*, а.п. b?) и *sl'izmě* 'слезами' (слав. **slьzà, *slьzò*, а.п. b). В обоих случаях мы имеем рефлекс праславянского сочетания типа **lь* в корне — ср. аналогичные отклонения в им.-вин.п. мн.ч. Брод *blьwь*, Ярок *blьwьj* (< **blьwьj*), см. выше.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Аванесов ОРД — Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949

Белич Нови — Белич А. Заметки по чакавским говорам // ИОРЯС, 1909. Т. XIV, кн. 2

Будовская-Ковач — Будовская Е.Э., Ковач О.Т. Акцентуация западноукраинских l-глаголов // ВД (в печати)

Булатова-Дыбо-Николаев - Булатова Р.В., Дыбо В.А., Николаев С.Л. Проблемы акцентологических диалектизмов в праславянском // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988

Дыбо Кайк. - Дыбо В.А. О некоторых акцентологических изоглоссах словенско-кайкавской языковой области // Hrvatski dijalektološki zbornik. Zagreb, 1982. Knj. 6

Дыбо СА - Дыбо В.А. Славянская акцентология. М., 1981

Дыбо ЧНЗ - Дыбо Анна В. К вопросу о диалектной принадлежности Чудовского Нового Завета // Филология. Исследования по древним и новым языкам. М., 1981

Жилко - Жилко Ф.Т. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955

Зализняк ДНД - Зализняк А.А. Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения позднего праславянского // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988

Зализняк РА - Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985

Івашуціч - Івашуціч Я.М. Націск у дзвяслоўных формах сучаснай беларускай мовы. Мінск, 1981

Климчук 1983 - Климчук Ф.Д. Гаворкі Заходняга Палесся. Фанетычны нарыс. Мінск, 1983

Николаев СОДП - Николаев С.Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988; Балто-славянские исследования. 1987. М., 1989

СЕМ - Слоўнік беларускай мовы. Арфаграфія. Арфаэпія. Акцентуацыя. Словазмяненне. Мінск, 1987

Шило - Шило Г.Ф. Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра. Львів, 1987

Dejna 1938 - Dejna K. Podolsko-wołyńskie pogranicze językowe. Tarnopol, 1938

Dejna 1952 - Dejna K. Gwary ukraińskie Tarnopolszczyzny. Wrocław, 1952

Voráč ČNJ - Voráč A. Česká nářečí jihozápadní. C. 1 Praha, 1955; Č. 2. Praha, 1976